

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-181-164-172
УДК 93/94

Солдатские дети как особый социальный институт в Российской империи во второй половине XIX века

**Евгений Юрьевич НЕВЗОРОВ¹, Светлана Владимировна БУКАЛОВА²,
Сергей Николаевич СИМОНОВ¹**

¹ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6060-0820>, e-mail: nevzorov2008@rambler.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7297-9583>, e-mail: simonovsn@mail.ru

²ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, 82
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7788-9299>, e-mail: stl1612@yandex.ru

Soldiers' children as a special social institution in the Russian Empire in the second half of the 19th century

**Evgeniy Y. NEVZOROV¹, Svetlana V. BUKALOVA²,
Sergey N. SIMONOV¹**

¹Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6060-0820>, e-mail: nevzorov2008@rambler.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7297-9583>, e-mail: simonovsn@mail.ru

²The Russian Presidential Academy Of National Economy And Public Administration
82 Vernadskogo Ave., Moscow 119571, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7788-9299>, e-mail: stl1612@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрено социально-правовое положение, семейный статус и сословные трансформации солдатского потомства во второй половине XIX века. Великие реформы 60–70-х гг. XIX века фактически не коснулись своей регламентацией детей нижних чинов и запасных солдат. В этом контексте вполне очевидными являются совершенно незначительные изменения в положении таких детей по сравнению с периодом рекрутчины. Солдатские дети в XIX веке продолжали пополнять люмпенизированные группы населения Российской империи, а их положение оставалось шатким, неустойчивым и неопределенным. Выявлены историко-правовые аспекты динамики социально-сословного статуса детей представителей «военного сословия»: солдатских детей, детей запасных солдат, детей рекрутов. Уточнены особенности организации призрения и попечения о семьях, призванных на службу, солдат в период Крымской 1853–1856 гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Привлечение достаточно широкого круга архивных источников и опубликованных материалов позволило вполне успешно реконструировать как сложившуюся социально-правовую регламентацию, так и собственно практику призрения «военного потомства» нижних воинских чинов. Выявлены особенности «отражения» положения солдатских в первичных архивных документах и законодательных актах, в том числе социально-правовые коллизии и тенденции, которые определяли жизнь и судьбу «военных детей». Дана источниковедческая оценка изучения правового положения солдатских детей и их повседневной жизни в военные и мирные годы второй половины XIX века, выявлены исследовательские лакуны в работах отечественных и зарубежных историков по заявленной проблематике. Сделаны выводы о перспективах изучения пореформенных этно-социальных, социокультурных и сословно-правовых особенностей солдатского потомства, которое до сих пор пребывает «в тени» исследовательского интереса в историческом сообществе. Доказано, что «солдатские дети» являлись и оставались особым социальным институтом в Российской империи во второй половине

XIX века. Выявлены особенности изучения этой категории «военного сословия» в дореформенной и пореформенной России.

Ключевые слова: военное сословие; социальный институт; русская армия; солдатские дети; солдатка; военное министерство; Крымская война 1853–1856 гг.; русско-турецкая война 1877–1878 гг.; социальное попечение; земство

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00494 (а).

Для цитирования: *Невзоров Е.Ю., Букалова С.В., Симонов С.Н.* Солдатские дети как особый социальный институт в Российской империи во второй половине XIX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 181. С. 164–172. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-181-164-172

Abstract. We consider the social and legal status, family status and class transformations of soldiers' offspring in the second half of the 19th century. The great reforms of the 60–70s of the 19th century did not actually affect the regulation of children of lower ranks and reserve soldiers. In this context, it is clear that there has been very little change in the situation of such children compared to the recruitment period. Soldiers' children in the 19th century continued to fill up the lumpenized population groups of the Russian Empire, and their situation remained shaky, unstable and uncertain. We reveal the historical and legal dynamics aspects of the social and class status of children of representatives of the “military class”: soldiers' children, reserve soldiers' children, recruits' children. We ascertain features of the charity and welfare organization for the families with called up soldiers during the Crimean War of 1853–1856 and the Russo-Turkish War of 1877–1878. Attracting a wide range of archival sources and published materials allowed quite successfully to reconstruct existing social and legal regulation and the practice of charity “military offspring” of lower ranks soldiers. We reveal features of the “reflection” of soldiers' position in primary archival documents and legislative acts, including social and legal conflicts and trends that determined the life and fate of “military children”. We give a historiographic assessment of the study of legal status of soldiers' children and their everyday life in the war and peace years of the second half of the 19th century. We identify research gaps in the works of domestic and foreign historians on the stated issues. We draw conclusions about the prospects of studying the post-reform ethnic and social, social and cultural, class and legal features of the soldier's offspring, which is still “in the shadow” of research interest in the history community. We prove that “soldiers' children” were and remained a special social institution in the Russian Empire in the second half of the 19th century. We reveal the peculiarities of studying this category of “military class” in pre-reform and post-reform Russia.

Keywords: military class; social institute; Russian army; soldiers' children; soldier's wife; War Office; Crimean War of 1853–1856; Russo-Turkish War of 1877–1878; social welfare; country council

Acknowledgements: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 19-09-00494 (a).

For citation: Nevzorov E.Y., Bukalova S.V., Simonov S.N. Soldatskiye deti kak osobyi sotsial'nyy institut v Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX veka [Soldiers' children as a special social institution in the Russian Empire in the second half of the 19th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 181, pp. 164–172. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-181-164-172 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Потомство представителей военного сословия в XVIII–XIX веках подвергалось почти непрерывному социально-правовому реформированию, отражая мобилизационные потребности и установки военного министерства, а также государственную политику в отношении солдатских детей в Российской империи. Данный аспект вызывал и продол-

жает вызывать интерес у научного сообщества в современной России [1].

Изученные архивные документы и опубликованные материалы свидетельствуют, что солдатские дети и в период Великих реформ, и в годы модернизации продолжали оставаться в турбулентном состоянии, а их положение было шатким, нестабильным и весьма неустойчивым. В этой связи вполне умест-

ными выглядят постановочные вопросы, требующие вдумчивого и внимательного изучения и рассмотрения.

1. Как изменился социально и сословно-правовой статус солдатских детей после Великих реформ Александра II?

2. Насколько эффективными стали перемены социальной защиты военнослужащих царской армии и членов их семей?

3. Как изменялись региональные аспекты призрения солдатских сирот в последней четверти XIX века?

4. Каким образом трансформировалась система социальной защиты солдатских детей в мирные и военные годы второй половины XIX века?

5. Смогли ли взять на себя часть забот по призрению солдатских семей новые «по-реформенные» организации – губернские и уездные земства, благотворительные и общественные организации?

6. В чем было принципиальное отличие социальной поддержки солдатских детей в годы Крымской войны 1853–1856 гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг.?

Примечательно, что о важности поддержки семейств рекрутов, призванных в армию, центральные власти напоминали губернаторам уже в конце 40-х гг. XIX века. Заметим, что региональные газеты с большим удовольствием публиковали Высочайшие повеления и благоволения по этому поводу. Так, 7 августа 1848 г. «Тамбовские губернские ведомости» писали о том, что «Государь Император, получая к совершенному своему удовольствию отовсюду донесения об успешном сборе призываемых на действительную службу отпускных нижних чинов и о единодушном в губерниях усердии к призрению оставшихся семейств их. Высочайший повелеть изволил: объявить совершенную Его Величеству признательность начальникам губерний за деятельность и распорядительность, оказанные в этом случае, поручив вместе с тем изъявить особенное Монаршее благоволение всем лицам, принявшим радушное участие в положении семейств, отпускных нижних чинов оставленных»¹.

Важно заметить, что сам циркуляр «О призрении семейств нижних чинов, вызван-

ных на службу» от 29 марта 1848 г. был направлен губернаторам со строгим предписанием озаботиться на местах обеспечением содержания жен и детей бессрочно отпускных нижних воинских чинов поступающих. Николай I повелел возложить на уездных предводителей дворянства и городских голов заботу о попечении о семьях призванных в армию отпускных нижних чинов. В частности, предусматривалось:

1) для занимающихся в деревнях хлебопашеством, если нет у них семян для предстоящего весеннего посева, отпустить необходимое количество, заимообразно, из сельских запасных магазинов;

2) для находящихся в городах семейств, которые не имеют никаких средств трудами своим сыскать пропитание, назначить по 30 фунтов ржаной муки на каждого человека в месяц на счет капитана народного продовольствия;

3) для живущих по деревням совершенно бедных семейств отпускать по 30 фунтов ржи на душу в месяц из сельских запасных магазинов;

4) тех же жен бессрочноотпускных низших чинов, принадлежащих к городским обществам, которые не имеют никаких занятий, замещать в должности сиделок при больницах и на другую какую-либо службу, а совершенно дряхлых и увечных помещать в богадельни или отдавать на пропитание родственникам и частным людям за положенную от приказа общественного призрения плату.

Тамбовский губернатор уже 22 апреля 1848 г. сообщал в Министерство внутренних дел, что верноподданнически исполнил волю монарха².

Спустя четыре года, 5 марта 1852 г., МВД уведомило тамбовского губернатора о том, что волю «Его Величества выполнили, если бы дворянство и другие сословия Тамбовской губернии оказали женам и детям призванных ныне нижних чинов то же презрение и те же пособия с той же готовностью, как при сборах 1848 и 1849 гг.»³.

Представители тамбовского дворянства «изъявили желание» оказывать необходимые

² РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1287. Оп. 42. Д. 465. Ч. 1. Л. 241.

³ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 161. Оп. 1. Д. 6550. Л. 3.

¹ Тамбовские губернские ведомости. 1848. № 32. 7 авг. С. 461.

пожертвования для нуждающихся жен и детей призванных в армию жителей Тамбовской губернии. Спасские помещики согласились выделять на каждого члена семьи призванного по 30 фунтов ржаной муки в месяц. Другие уездные дворянские собрания также «единодушно и с удовольствием» откликнулись на волю монарха и оказывали помощь семьям призванных из запасных магазинов, а также в обсеменении полей. Таким образом, солдатские жены и дети получали поддержку не от государства, а от местных дворянских сообществ, что вполне соответствовало традициям середины XIX века по использованию государством региональных экономических ресурсов и сословных институтов.

Вполне справедливым является заключение П.П. Щербинина о том, что речь шла лишь о вероятной поддержке и помощи дворянством, купечеством, сельскими и городскими обществами солдатских семей, оказывавшихся часто в безвыходной ситуации. Государство отказывалось признавать необходимость централизованной бюджетной поддержки семей призванных на войну солдат, возлагая всю ответственность за помощь таким семьям на местные власти [2, с. 164].

По оценкам Э.К. Виртшафтер, уже в манифесте Александра II при его коронации в 1856 г. была фактически ликвидирована социальная категория «солдатские дети». Дети из кантонистских школ были возвращены их родителям или родственникам. Можно сказать, что правительственные социальные, фискальные и экономические реформы были направлены на удовлетворение нужд армии, для увеличения обороноспособности государства. Милитаризация и военная доктрина обеспечивали прежде доминирование в воспитании, социальной и экономической политике в отношении солдатских детей [3].

Примечательно, что проблема выживания солдатских детей всегда была тесно связана с сиротством, нищенством и люмпенизацией. Понятно, что такие «малолетние нищие и бродяги» или, как их еще называли, «нищенские дети», традиционно заполняли улицы столичных, губернских и уездных городов, вызывая озабоченность центральных и провинциальных властей. По оценкам С.В. Бахрушина, уже в XVIII веке большая часть таких солдатских детей-сирот, бродивших по стране, должны были направлять-

ся в монастыри и на фабрики, реализуя замысел Петра I, что все жители страны должны приносить пользу государству [4, с. 4-5].

Проведенный анализ состава нищих детей и подростков в г. Москва в середине XIX века показал, что если мальчиков подбирали на улице и отправляли в школу кантонистов, то девочки, солдатские дочери, так и оставались на улице, активно пополняя собой ряды нищенствующих. В этом случае вполне очевидно и четко проявлялась общая гендерная сегрегация и отношение властей к солдатским детям. Вполне очевидно, что девочки во все времена имели в Российской империи меньшую ценность для государственных нужд. Они не служили в армии и не платили налоги, а значит, и заботиться о них и беречь их как «государственное имущество» специально не стоило. В этом смысле мальчики-кантонисты находились под жестким контролем государственных институтов. А для чиновников совсем не важно было сословное происхождение таких беспризорных детей, так как все они подлежали обязательному и неукоснительному направлению в учебные карабинерные полки. Так, в апреле 1845 г. туда были направлены Никита и Михаил, которые являлись сыновьями отставного губернского секретаря Волкова.

В целом солдатские дети составляли в Москве самый крупный процент из беспризорных нищенствующих детей. В 1859 г. их было 79, в 1868 г. – уже 122. Аналогичная тенденция сохранялась и в 70-е гг. XIX века: от 51 до 75 человек. Лишь после введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. число солдатских среди беспризорников на улицах стало падать. В 1880–1885 гг. – 46, в 1886 г. – 35 человек, 1887 г. – 16 человек, 1888–1892 гг. – 1–2 человека, а в 1896 г. этот разряд детей уже перестал упоминаться [4, с. 18].

Среди реформ Александра II одной из самых важных по своему воздействию на социальные отношения [5], правовой статус [6], повседневные реалии российского общества [7] была военная реформа 1874 г. [8]. По мнению американского историка А. Уилдмана, введение всеобщей воинской повинности являлось самой радикальной социальной мерой эпохи реформ, за исключением лишь самого освобождения крестьян [9, р. 25]. Вне сомнения, реформа военной службы и при-

званной системы рассматривалась властями как составная часть реформирования социальной и политической системы, являлась вполне логическим продолжением политики правительства после ликвидации крепостного права.

Примечательно, что жена солдата и солдатские дети уже больше не получали поддержки ни от общины, ни от помещика, рассчитывая в лучшем случае лишь на помощь большой семьи или других родственников [10]. Понятно, что в таком случае такая поддержка нередко была разовой, носила, как правило, эпизодический характер или вовсе отсутствовала. Не случайно в отчетах губернаторов по выполнению призыва после военной реформы 1874 г. признавалось, что среди поступающих на службу солдат-новобранцев было много таких, у кого оставались дома без всякой поддержки жена и малолетние дети. По заключению начальников губерний, было бы полезным освобождать таких солдат со службы и отправлять их в запас для поддержки своих малолетних детей⁴.

Да и современники, исследуя воздействия военной реформы 1874 г. на экономическое, социальное и семейное положение россиян и россиянок, также констатировали, что при отсутствии в семье работника в течение нескольких лет его хозяйство приходило в упадок [11, с. 211-214]. Нередко после возвращения солдата со службы вернуть прежнее благосостояние семьи было уже невозможно [12, с. 104-108].

Понятно, что самой серьезной проверкой возможностей попечения о семьях призванных на войну солдат во второй половине XIX века явилась русско-турецкая война 1877–1878 гг. Именно во время этой военной кампании был объявлен первый, достаточно массовый набор запасных и отпускных солдат, и стала очевидной необходимость поддержки семьям призванных, оставшихся без кормильца, были и изданы 25 июня 1877 г. «Временные правила по призрению семей запасных нижних чинов, призванных на войну».

Одним из наиболее достоверных источников о положении семей призванных является политический обзор Тамбовской губернии, подготовленный местным начальником Тамбовского губернского жандармского управления, сохранившийся в Государствен-

ном архиве Российской Федерации, в котором указывалось, что «...Призыв лиц, отнесенных 45 статьей устава о воинской повинности, по семейному положению, к 1 разряду, вызвал большие неудовольствия и сожаления, когда уездные воинские присутствия брали в ратники у престарелой бабки внука, при остающихся других сиротах малолетних внучатах, когда с заработком с разных сторон стали возвращать в ратники работников, представлявших кормильцев престарелых отцов, матерей, дедов, бабок и малолетних братьев и сестер. Последовавшее затем в августе месяце Высочайшее повеление о возвращении со службы ратников льготных 1 разряда по семейному положению отозвалось в высшей степени повсеместно благотворительно. Отцы к труду личному не способные, матери-вдовы, круглые сироты – благословляли государя Императора за возвращение в семейства ратников, единственных работников и кормильцев одиноких семейств»⁵.

Из материалов регионального архива – Государственного архива Тамбовской области – хорошее представление о положении семей призванных на войну дают документы Канцелярии Тамбовского губернатора, в которых содержится информация о сборе сведений о семьях солдат, нуждающихся в помощи, об их материальном состоянии, а также рапорты уездных исправников о выдаче пособий семьям нижних чинов и ратников, призванных на службу в военное время. Там же имеются и отчеты городских и уездных попечительств, которые непосредственно занимались оказанием помощи семьям призванных.

Некоторые уездные земские управы, в частности Козловская, имели поименные списки семей призванных и дают полное представление об организации призрения семей нижних чинов и ратников государственного ополчения за 1877–1878 гг. В первичных архивных документах сохранились следующие сведения: рапорты уездных исправников и волостных старшин относительно семей нижних чинов, взятых на военную службу, приговоры сельских сходов о выдаче семьям солдат ссуд и других вариантах их поддержки, списки солдаток, которые просили об оказании помощи, и виды различных

⁴ РГИА. Ф. 1292. Оп. 3. Д. 441. Л. 26 и др.

⁵ ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 109. Оп. 1877. Д. 76. Л. 48.

прошений, а также ордера, по которым выдавалось пособие.

Негативное воздействие призыва отцов на службу ощущалось повсеместно и нередко в корне изменяло жизнь детей и подростков. Часто матери-солдатки после ухода своих мужей на войну стали забирать детей из учебных заведений, школ и народных училищ, потому что они нужны были для помощи и работы на участке земли, а также по дому, заменяя при этом по возможности своих ушедших в армию отцов⁶. Кроме того, и в самих учебных заведениях в тыловых губерниях Российской империи сокращался учебный год, а занятия стали начинаться лишь во второй половине октября, потому что многие солдатские дети отвлекались матерями на полевые работы в своих хозяйствах.

Дети и жены солдат (нижних чинов запаса), призванных в армию в военное время на действительную службу, должны были призреваться региональным земством, а также и городскими, и сельскими обществами, к которым были уже приписаны до войны сами призванные и члены их семей. Все же необходимо учитывать, что сам механизм и практика выплаты пособий, а также оказания адресной помощи таким солдатским семьям регулировались особыми правилами.

В соответствии с этими правилами, попечение и призрение семейств призванных на войну нижних чинов и ратников государственного ополчения уже не являлось обязанностью и долгом государства, а целиком возлагалось на местное самоуправление и сословные общества и некоторые общественные организации. Пособием же обеспечивалась лишь только жена и дети самого солдата, но лишь те, кто был признан нуждающимся в такой помощи. Призрение же других родственников и близких призванного в армию солдата: родителей, деда, бабушки, сестер и братьев, круглых сирот – было возможно лишь в тех случаях, когда лица эти лица были признаны содержащимися трудом призванного, – возложено было на городские, сословные, сельские и дворянские общества⁷.

⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2778а. Л. 136, 293.

⁷ Отчет по призрению семейств запасных и ратников государственного ополчения, призванных на действительную службу в русско-японскую войну (февраль 1904 – октябрь 1906 г.). Сост. Главным управлением по делам местного хозяйства МВД. Спб., 1907. С. 9-10.

Вполне очевидно, что в большинстве таких случаев городские и сельские общества не желали и не брали на себя дополнительные финансовые расходы, то есть фактически не поддерживали членов «большой» солдатской семьи. Таким образом, и родители, и сестры, и другие близкие родственники нередко не могли и не получали совершенно никакой поддержки.

В соответствии с действующим законодательством признанные нуждающимися жены и детей призванных на войну солдат должны были обеспечиваться за счет местного самоуправления: 1) бесплатным помещением с отоплением; 2) выдачей продуктов натурой или деньгами. При этом норма продовольствия на одного человека была следующей: 1 пуд 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы и 4 фунта соли в месяц. Но для получения этого пособия обязательно было необходимо подать устное или письменное прошение самим призывником или членами его семьи в уездные земские или городские управы, а также в полицейские управления, станковым приставам или волостным старшинам. После этого полицейские управления и волостные старшины должны были внести эти заявления в особые книги и передать их с приложением удостоверений о семейном и имущественном положении просителей в уездные земские и городские управы, которые, убедившись в обоснованности таких ходатайств, в семидневный срок обязаны были сделать распоряжения об оказании помощи семьям призванных на войну нижних чинов. Выплата пособия или выдача продуктов прекращались после возвращения мужа-солдата с войны [2].

В 1877 г. в Тамбовской губернии и ее уездах были созданы такие попечительства для сбора и выдачи пособия нуждающимся семьям воинов. В г. Лебедянь и его уезде было открыто шесть попечительств, но уже в конце того же года они закрылись «по недостатку средств»⁸. В Темниковском уезде имелось лишь Кадомское городское попечительство, которое призревало 28 семей нижних чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных на службу, а с 1-го сентября 1879 г. по прибытии нижних чинов в отпуск выдача пособия прекратилась.

⁸ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2954. Л. 9.

Современники войны чутко реагировали на бедственное положение солдатских жен и детей в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Было очевидно, что часто солдатки не могли получить пособия и были в полной растерянности, не зная, чем и как им кормить детей и содержать семьи. Так, в записках А. Энгельгардта, вполне знакомого с правилами призрения и поддержки семей призванных солдат, указывалось, что часто положение таких солдатских жен и детей, оставшихся «осиротевшими» после призыва мужей на войну, было бедственным и критическое. «Прошло больше года, а деревенским солдаткам – городскими солдаткам не выдавали пособия до сих пор ни от волости, ни от земства, ни от приходских попечительств, существующих большею частью только на бумаге. Частная благотворительность выражалась только «кусочками» (то есть подаванием). Что было, распродали и съели, остается питаться в миру, ходить в «кусочки». Бездетная солдатка еще может наняться где-нибудь в работницы, хотя нынче зимой и работнице место найти трудно, или присоседиться к кому-нибудь – вот и взыскивай потом солдат, что ребенка нажила, – или, наконец, идти в мир, питаться «кусочками», хотя нынче и в миру плохо подают. Но что делать солдатке с малолетними детьми, не имеющей ничего, кроме «изобки»? В работницы зимой даже из-за куска никто не возьмет. Идти в «кусочки» – на кого бросить детей? Остается одно. Оставив детей в «изобке», которую и топить-то нечем, потому что валежник в лесу занесло снегом, побираться по своей деревне» [13].

Да и анализ других исторических свидетельств, в том числе архивных документов, подтверждает, что в тыловых губерниях Российской империи оформление и сама выдача пособий часто задерживались, а нередко и выплачивались не полностью. Например, в Усманском уезде Тамбовской губернии, судя по донесению уездного исправника тамбовскому губернатору, несмотря на давно поданные солдатскими женами заявления, эти пособия им так и не были выданы в 1878 г. «за не поступлением земских сборов»⁹.

Нередко солдатским женам и их детям отказывалось в необходимом для них пособии на том основании, что они с детьми жи-

ли среди родственников, которые могли их содержать; либо имели другую работу, на которую и могли бы рассчитывать; либо имели свой дом или взрослых сыновей¹⁰. Фактически и государство и земство сводили к минимуму число тех, кому надо было бы обязательно помогать и кого необходимо было поддерживать [14].

Таким образом, положение солдатской жены и ее детей в пореформенной России во второй половине XIX века мало отличалось от повседневных реалий и практики выживания призрения рекруток. Вновь становились актуальными поиски возможностей обеспечения детей пищей и вещами, поиск средств для существования таких семей, когда государство «изъяло» мужей для своих военных надобностей.

Заметим также, что в послевоенный период, точнее до начала новой войны 1904–1905 гг., и власти и общество как бы «забыли» о солдатских детях и их женах. В мирные годы думать о необходимости поддержки солдатских семей не считалось необходимым и своевременным.

В исторических источниках, в том числе правовых актах, периодической печати, воспоминаниях и дневниках современников почти ничего нет о жизни солдатских детей в межвоенный период (1879–1903 гг.). И только начавшиеся широкие призывы запасных нижних чинов в период русско-японской войны 1904–1905 гг. «напомнили» и властям, и общественным организациям, что десятки тысяч солдатских детей нуждаются в помощи и попечении [15, с. 136].

Подводя итоги выяснения особенностей социально-правового статуса и повседневной жизни солдатских детей во второй половине XIX века, можно констатировать, что они так и оставались на обочине столичных и провинциальных общественных инициатив, системы социального попечения и нуждались в поддержке и помощи, которые нередко так и не получали. В этом контексте представляются весьма перспективными компаративистские исследования межрегиональных особенностей положения солдатских детей во второй половине XIX века.

⁹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2787. Л. 13.

¹⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2787. Л. 6-16.

Список литературы

1. Щербинин П.П. Материнство и отцовство сквозь призму военного фактора в Российской империи в XIX в. // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: материалы 9 Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН: в 2 т. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицок. Смоленск: Изд-во СмолГУ; Москва: ИЭА РАН, 2016. Т. 2. С. 219-221.
2. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004.
3. Wirschafter E.K. Soldiers Children, 1719–1856: A study of social engineering in imperial Russia // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1982. № 30. S. 131.
4. Бахрушин С.В. Малолетние нищие и бродяги в Москве (исторический очерк). М.: Городская типография, 1913.
5. Benecke W. Militaer und Gesellschaft im Russischen Reich. Die Geschichte der Allgemeinen Wehrpflicht 1874–1914. Goettingen: Habilitationsschrift, 2003.
6. Федоров А.В. Закон о всеобщей воинской повинности 1874 года и крестьянство // Исторические записки. М., 1954. Т. 46. С. 182-197.
7. Щербинин П.П. Военная реформа 1874 г. и ее влияние на повседневную жизнь населения России // Вестник военно-исторических исследований: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С.В. Белоусова. Пенза: ГУМНИЦ, 2009. Вып. 1. С. 75-80.
8. Зайончковский П. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952.
9. Wildman A. The End of the Russian Imperial Army. Princeton, 1980. Vol. 1.
10. Щербинин П.П. Социально-правовой и повседневно-бытовой статус солдатских детей в XVIII–XIX вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2014. Вып. 7 (135). С. 161-167.
11. Новиков А. Записки земского начальника. Спб., 1899.
12. Тенишев В.В. Административное положение русского крестьянина. СПб., 1900.
13. Энгельгардт А. Из деревни // Отечественные записки. 1878. № 3. С. 11-13.
14. Чубаров А.И. Социальное призрение солдатских семей в межвоенное время за 1878–1914 гг. на типичном примере Курской губернии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2016. № 2 (19). С. 183-188.
15. Щербинин П.П. «Пустите детей ко мне...»: «дети беды» и попечительство до и после 1917 года. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2018. 370 с.

References

1. Shcherbinin P.P. Materinstvo i ottsovstvo skvoz' prizmu voyennogo faktora v Rossiyskoy imperii v XIX v. [Motherhood and fatherhood through the prism of military factor in the Russian Empire in 19th century]. *Materialy 9 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Rossiyskoy assotsiatsii issledovateley zhenskoy istorii i Instituta etnologii i antropologii imeni N.N. Miklukho-Maklaya Rossiyskoy akademii nauk «Materinstvo i ottsovstvo skvoz' prizmu vremeni i kul'tur»: v 2 t.* [Proceedings of the 9th International Scientific Conference of the Russian Association of Female History Researchers and The Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology "Motherhood and Fatherhood Through the Prism of Time and Cultures" in 2 vols.]. Smolensk, Smolensk State University Publ., Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology, 2016, vol. 2, pp. 219-221. (In Russian).
2. Shcherbinin P.P. *Voyenny faktor v povsednevnoy zhizni russkoy zhenshchiny v XVIII – nachale XX v.* [The Military Factor in Everyday Life of a Russian Woman in the 18th – early 20th Century]. Tambov, 2004. (In Russian).
3. Wirschafter E.K. Soldiers Children, 1719–1856: A study of social engineering in imperial Russia. *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, 1982, no. 30, p. 131.
4. Bakhrushin S.V. *Maloletniye nishchiye i brodyagi v Moskve (istoricheskiy ocherk)* [Juvenile Beggars and Tramps in Moscow]. Moscow, Gorodskaya tipografiya, 1913. (In Russian).
5. Benecke W. *Militaer und Gesellschaft im Russischen Reich. Die Geschichte der Allgemeinen Wehrpflicht 1874–1914.* Goettingen, Habilitationsschrift, 2003.
6. Fedorov A.V. *Zakon o vsesosloynoy voynskoy povinnosti 1874 goda i krest'yanstvo* [The Law of All-Military Conscription of 1874 and the Peasantry]. *Istoricheskiye zapiski* [Historical Notes], Moscow, 1954, vol. 46, pp. 182-197. (In Russian).
7. Shcherbinin P.P. *Voyennaya reforma 1874 g. i ee vliyaniye na povse-dnevnyu zhizn' naseleniya Rossii* [Military reform of 1874 and its influence on everyday life of population of Russia]. In: Belousov S.V. (ed.).

- Vestnik voyenno-istoricheskikh issledovaniy* [Bulletin of Military and Historical Researches]. Penza, "GUMNITS" Publ., 2009, vol. 1, pp. 75-80. (In Russian).
8. Zayonchkovskiy P. *Voyennyye reformy 1860–1870 godov v Rossii* [Military Reforms of 1860–1870 in Russia]. Moscow, 1952. (In Russian).
 9. Wildman A. *The End of the Russian Imperial Army*. Princeton, 1980, vol. 1.
 10. Shcherbinin P.P. Sotsial'no-pravovoy i povsednevno-bytovoy status soldatskikh detey v XVIII–XIX vv. [Social, legal and everyday household status of soldiers children in 18–19th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2014, vol. 7 (135), pp. 161-167. (In Russian).
 11. Novikov A. *Zapiski zemskogo nachal'nika* [Notes of Country Council Chief]. St. Petersburg, 1899. (In Russian).
 12. Tenishev V.V. *Administrativnoye polozheniye russkogo krest'yanina* [Administrative Position of the Russian Peasant]. St. Petersburg, 1900. (In Russian).
 13. Engelgardt A. Iz derevni [From the village]. *Otechestvennyye zapiski* [Domestic Notes], 1878, no. 3, pp. 11-13. (In Russian).
 14. Chubarov A.I. Sotsial'noye prizreniye soldatskikh semey v mezhvoyennoye vremya za 1878–1914 gg. na tipichnom primere Kurskoy gubernii [Social care of soldier's families in the interwar time of 1878–1914 on a typical example of Kursk province]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya i pravo – Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2016, no. 2 (19), pp. 183-188. (In Russian).
 15. Shcherbinin P.P. «Pustite detey ko mne...»: «deti bedy» i popechitel'stvo do i posle 1917 goda [“Suffer the Children to Come unto Me...”: “Children of Misfortune” and Patronage before and after 1917]. Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, 2018, 370 p. (In Russian).

Информация об авторах

Невзоров Евгений Юрьевич, аспирант, кафедра всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: nevzorov2008@rambler.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы, набор первичного материала, написание части статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9105-6821>

Букалова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и государственной политики. Среднерусский институт управления (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Орел, Российская Федерация. E-mail: stl1612@yandex.ru

Вклад в статью: работа с архивными документами и материалами, сбор данных.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7788-9299>

Симонов Сергей Николаевич, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: simonovsn@mail.ru

Вклад в статью: анализ полученных результатов, написание части текста.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7297-9583>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Невзоров Евгений Юрьевич
E-mail: nevzorov2008@rambler.ru

Поступила в редакцию 18.07.2019 г.
Поступила после рецензирования 08.08.2019 г.
Принята к публикации 23.08.2019 г.

Information about the authors

Evgeniy Y. Nevzorov, Post-Graduate Student, General and Russian History Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: nevzorov2008@rambler.ru

Contribution: main study conception, literature analysis, source material acquisition, part of article drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9105-6821>

Svetlana V. Bukalova, Candidate of History, Associate Professor of Politicalology and State Politics Department. Central Russian Institute of Management (Branch), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russian Federation. E-mail: stl1612@yandex.ru

Contribution: work with archival documents and materials, data acquisition.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7788-9299>

Sergey N. Simonov, Doctor of Medicine, Professor, Professor of Public Health and Healthcare Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: simonovsn@mail.ru

Contribution: obtained results analysis, part of text drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7297-9583>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Evgeniy Y. Nevzorov
E-mail: nevzorov2008@rambler.ru

Received 18 July 2019
Reviewed 8 August 2019
Accepted for press 23 August 2019